

Нежная и мудрая актерская душа

Сколько имен у актрисы? Одно — ее собственное, известное любителям и почитателям театрального искусства, коллегам, друзьям. И еще — столько, сколько ролей ею сыграно.

Актрисе Новгородского областного театра драмы заслуженной артистке РСФСР Любови Михайловне Коликовой довелось перевоплотиться на сцене более ста шестидесяти раз. Столько персонажей, чьей жизнью она жила, чьи мысли и чувства доносила до зрителя. Но в этом огромном калейдоскопе лиц, характеров, индивидуальностей она выразила прежде всего себя, свой душевный и нравственный опыт.

От самой первой роли — Дуняши в пьесе А. Островского «Не в свои сани не садись» — пройден долгий творческий путь. Этапными на этом пути стали такие разные героини, как Нила Снижко в «Барабанщице» А. Салынского, Барба в пьесе Я. Райниса «Вей, ветерок!», Аманда Уингфилд в «Стеклянном зверинце» Т. Уильямса, Серафима Тимофеевна в драме О. Сосина «В четырех километрах...». Каждая роль — это прибавление опыта, мастерства, мудрости. А становится ли легче от этого?

— Нет, — отвечает Любовь Михайловна. — Если работать по-настоящему, театр — всегда трудно. С годами ведь растут и требования к себе. Вот и волнуешься: получится или не получится? Режиссер — да, он ставит спектакль, направляет наши поиски. Но все-таки каждый актер сам себе режиссер. Конечно, бывают и ошибочные самооценки. Иногда разыграемся, вроде все как надо, все довольны, — а постановщик с ужасом: «Друзья, что вы делаете?!» Значит, какой-то коллективный гипноз случился...

Коликова смеется. Задумывается. И серьезно:

— Все же хороший, тонкий актер чувствует, то́ или не то он делает. Он весь уходит в работу над ролью. В четыре часа утра может проснуться и проиграть своим домашним кусочек, который не давал покоя. Мне больше всего нравятся режиссеры, которые не навязывают непременно своих решений, но считаются, советуется с исполнителем. Тогда получается лучше.

Речь, понятно, об актере, который не меньше постановщика стремится к успеху спектакля, не привык щадить себя, успокаиваться сделанным. Такова и сама моя собеседница.

Она еще вся во власти очередной работы — роли Марии Александровны Ульяновой в драме А. Ремеза «Путь». Текст роли небольшой, всего шесть-семь страниц, но они, по признанию актрисы, пугали ее больше, чем иная пространная роль. В короткой сцене встречи в тюрьме с приговоренным к казни Александром надо было выразить сложный мир чувств: любовь матери к сыну, тревогу за него, горячее желание спасти его и — сознание невозможности его уговорить. Матери мучительно больно терять Александра, но она поняла: он не может унизиться! Жандармы не получат своего, Александр не станет отступником...

О матери великого Ленина зрители знают со школьных лет, и у каждого — свое, чем-то отличное от других, представление о Марии Александровне. Как сделать, чтобы тебе поверили?

Этого не объяснишь. За этим — всё, чем жила и живет актриса Коликова. Но она нашла такие точные интонации, с таким волнением провела роль, что у многих зрителей на глазах заблестели слезы.

Она отчетливо видела эти слезы: впервые в новгородском театре спектакль шел не на сцене, а в фойе первого этажа, в тесном окружении публики и как бы вместе с нею... Здесь не могли выручить ни «спаси-

тельная даль», ни декорации (их почти не было). Только до предела выверенная, правдивая игра имела значение в таком необычном спектакле, когда актер на лице своем чувствовал дыхание зрителей.

Сделать роль живой, осязаемой, дать ей голос и физический облик... В 1948 году в Псковском областном театре драмы имени А. С. Пушкина, готовя свой дебют — роль Дуняши, Коликова, случилось, плакала после репетиций. Ей помогали, но всего больше она помогала себе сама. Думала, читала, наблюдала, занималась пластикой, дикцией. Шлифовать было что: начинающая умела и танцевать, и петь, и играть на гитаре, и выразительно читать.

Натура многогранная, темпераментная, подвижная, а интонации — ласкающие, мягкие. И в то же время ей присущи твердость и цельность, только они спрятаны где-то глубоко и выказываются редко. Об этих чертах можно судить разве что по оттенкам голоса, по выражению глаз...

Такой актрисе, пусть молодой, пусть Любушке, вскоре надоели роли так называемых «голубых героинь», ее влекли персонажи сложные, характерные. И вот, уже будучи в Новгороде, Коликова атакует режиссера Н. В. Витарского, ставившего спектакль «Мораль пани Дульской»: «Что мне играть? Меля — она же совершенно безлика. Дайте роль Хеси: в ней злость так и кипит, сразу видно — натура!» А Николай Владимирович в ответ: «А вы постарайтесь в Меле отыскать стерженек».

Это была задача посложнее, чем усвоить азы актерского ремесла, техники, сценических условностей. Требовалось напряжение воли, ума и сердца, чтобы мысленно дописать биографию героини, определить ее привычки, склонности, пристрастия, мотивировки поступков — словом, всё то, что недосказал драматург. Тогда роль станет как бы видимой всем надводной

частью айсберга. А лежит в основе роли представление актера о своем герое как о живом человеке — результат громадной работы над образом. Надо ли говорить, что эта основа по объему и значению много больше, чем драматургический материал.

...Мелю молодой артистки Любви Коликовой отметили. Бесхитростную благодарность за прекрасное исполнение этой роли прислали актрисе и зрители из города Боровичи, где театр проводил традиционные зимние гастроли.

Десятки подобных писем — горячих откликов разных людей — хранит Любовь Михайловна. Хранит и газетные вырезки о спектаклях.

Многие рецензенты подчеркивают умение актрисы предлагать свое, не прямолинейно простое, не облегченное решение образа. А о работе Л. Коликовой в спектакле по пьесе А. Арбузова «Годы странствий» в «Новгородской правде» было написано: «Особенность ее дарования состоит в разносторонности, позволяющей легко выявлять психологические и лирические детали, характерные для образа Люси».

«Легко»? Да, зрителю и рецензенту так казалось. А истоки этой «легкости» — в огромном труде актера и режиссера, в репетициях, прогонах, во всем том, что не принято выносить на публику...

Дороги артистке и программки спектаклей с автографами режиссеров. Вот полушутливые поздравления, написанные в день премьер рукой заслуженного деятеля искусств РСФСР Владимира Семеновича Ефимова. Шесть лет работал он главным режиссером театра в Новгороде, щедро отдавая себя людям, товарищам по сцене. Он помог становлению многих талантов. Коликова испытывает чувство великой благодарности к нему — за доверие, за науку.

По традиции надписи на программках своего дипломного спектакля по пьесе А. Алексина «Звоните и

приезжайте» сделал и выпускник театрального института Ю. Л. Зубков. «С такой нежной и мудрой актерской душой, как у Вас, я столкнулся впервые» — эти слова молодого режиссера, обращенные к Любови Коликовой, выражают все существо ее дарования.

Сколько друзей у актрисы? Сотни, тысячи. Это, конечно, прежде всего зрители, тронутые ее игрою. Ради них она готова на жертвы.

— Личные неприятности? Когда ты выходишь на сцену, забудь о них, — говорит Любовь Михайловна. — Спектакль в этом смысле — ломка себя. Начиная играть, ты начинаешь завоевывать зрителя, подчинять его силе искусства. Он ведь тоже пришел в зал из другой, не сценической жизни. А иной смотрит с явным недоверием, а то и с пренебрежением. Раз на спектакле какой-то парень демонстративно полулежал в кресле и только что не ухмылялся. Я-то и не такое видывала в жизни. А одна актриса призналась: «Не могу! Все настроение пропало...» Зато сколько радости, когда видишь, что попал в точку, заставил зрителя прислушаться, замереть!

Так бывает и на творческих встречах артистов со зрителями на предприятиях, — продолжает актриса. — Придет скептик: ну, мол, давай, травы, посмотрим, что ты там изобразишь... Виду, конечно, не показываю, но говорю и играю именно в расчете на этого скептика. Хочу расшевелить! И вот зажигается огонек интереса в глазах. На прощанье добрые слова вместе со всеми говорит...

Победы, иногда пусть и маленькие, в битве за души людские — чтобы учились полнее чувствовать, сопереживать. Сколько их, таких побед, одержано артисткой за тридцать лет работы в театре!

Эту годовщину новгородцы отмечали на специальном вечере. Было хорошо и тепло. Были сердечные

слова, цветы. Любовь Михайловна играла, пела песни. Оглашались поздравительные телеграммы. Впрочем, не все. Всех пришло много — из двадцати городов страны! Москва и Чимкент, Калининград и Минск, Ленинград и Краснодар, Вологда и Баку, Армавир, Брянск, Воронеж, Ижевск, Нальчик, Черкассы... И от друзей, и от учителей.

Вот одна из них: «Дорогая Любовь Михайловна! В этот знаменательный день мы, Ваши товарищи и друзья, шлем Вам самые сердечные поздравления, пожелания доброго здоровья, долгих лет жизни, счастья и дальнейших творческих побед. Пусть Ваше трепетное отношение и любовь к театру, Ваше трудолюбие и впредь будут самыми верными помощниками в Вашей творческой работе на долгие-долгие годы». Внизу — пять фамилий. Среди них Коваль и Лебедев.

— С этими людьми, — вспоминает Коликова, — связан мой приход в театр. А до этого был ансамбль песни и танца Псковской областной филармонии, куда я поступила из художественной самодеятельности. Актер театра Станислав Порфирьевич Коваль преподавал нам технику речи, ставил с нами скетчи и водевили. Он и сказал моим родителям, что мое место в театре, а не на эстраде. Показал меня заслуженному деятелю искусств РСФСР Владимиру Лебедеву. В репетиционном зале театра мы с Ковалем сыграли сцену из «Обрыва», я прочитала отрывок из лермонтовского «Мцыри» и басню И. А. Крылова «Ворона и Лисица». Владимиру Николаевичу понравилось. Так я ушла с эстрады. Не жалею об этом, хотя до сих пор люблю музыку, танцую и пою...

После Пскова — республиканский русский драматический театр в Кишиневе. Там соединились жизненные дороги Любви Коликовой и бывшего фронтовика, выпускника Ленинградского института театрального искусства Николая Пестова.

В сентябре 1953 года они приехали в Новгород. Когда вышли из железнодорожного вокзала, сразу увидели кремль: пространство до его древних стен просматривалось насквозь. Кварталы вдоль Вокзальной улицы (ныне проспект Карла Маркса), улиц Льва Толстого, Советской, у площади Победы, в войну сожженные и разрушенные немецко-фашистскими оккупантами, в ту пору еще не были застроены домами в четыре и пять этажей. Квартир в городе не хватало.

Чету артистов пришлось поселить... под сценой, в маленьком помещении без окон, куда доносился из котельной запах дыма. Два года спустя перебрались в комнату возле репетиционного зала...

В разрушенном здании театра оккупанты, как известно, устроили конюшню. Удивительного тут ничего нет: в городе были осквернены, повреждены или уничтожены все очаги и памятники культуры. Но в том же 1944 году, когда Советская Армия изгнала фашистов из Новгорода, его жители с помощью ленинградцев восстановили в древней крепости бронзовый памятник Тысячелетию России. В числе первых объектов возрождения был и театр, стоящий в новгородском кремле, рядом с монументом. Артисты получили здесь помещения для работы и жилье.

— Как жили? Весело, — улыбается Любовь Михайловна. — Дружно. Репетировали, спорили, чаевничали порой до часу-двух ночи. Готовили на «коммуну». Пельмени для всех, а в один пельмень — монету: кому-то выпадет счастье. А счастье выпало общее. Жизнь с каждым днем все больше входила в привычное мирное русло. Все ценили это. И я тоже: подростком мне пришлось пережить фашистскую неволю. Несмотря на трудный быт, новгородцы жадно тянулись к искусству. Театральный зритель тех лет был удивительно непосредственный, отзывчивый...

В один год с Коликовой и Пестовым в новгородский театр приехал талантливый режиссер-педагог Алексей Николаевич Кармилов. Любовь Михайловна считает его своим первым наставником. Кармилов несколько лет работал главным режиссером. Сейчас он в Москве. Поздравляя свою бывшую ученицу с 30-летием ее сценической деятельности, пожелал ей дальнейших творческих радостей.

И еще одно поздравление связано с важнейшими обстоятельствами в биографии артистки Коликовой. Но это не телеграмма, а складывающаяся пополам карточка. Карандашом проведены линейки и по ним фиолетовыми чернилами написано детским почерком: «Уважаемая Любовь Михайловна поздравляю Вас с юбилеем желаю здоровья счастья и всего хорошего Ира».

— Ваша родственница или дочь кого-нибудь из артистов?

Коликова и Пестов посмеиваются.

— Это сестра исполнительницы, что играет в спектакле «Путь» вместе с Любовью Михайловной, — поясняет Николай Иванович. — Правда, исполнительнице лет девять или десять — учится в третьем классе.

Видя мое недоумение, Пестов терпеливо рассказывает. Сперва о себе: последствия фронта сказались на здоровье, и ему пришлось в 1967 году оставить работу в театре. Вскоре после этого он начал вести драмкружок в средней школе № 1. В этот кружок и записала пятиклассницу Иру Кириллову ее мать Валентина Ивановна, в свое время игравшая в самодеятельном театре. Ира вот уже три года занимается у Николая Ивановича. Однажды для пьесы-сказки понадобились малыши на роли зайчиков, и Ира привела к Пестову своих сестричек-двойняшек Аллу и Лену. Они тоже стали кружковцами, продолжив «династию» любителей сцены.

Николай Иванович узнал от жены: театру для спектакля «Путь» нужна девочка на роль Маняши Ульяновой. Порекомендовал Аллу Кириллову. Так третьеклассница и стала «артисткой» — участницей взрослого спектакля.

В программке «Пути» значится и Игорь Чуклин — исполнитель роли Мити Ульянова. В 1980 году Игорь пришел в драмкружок Дома пионеров и школьников имени Лени Голикова и заявил: «Хочу быть киноактером». — «Давай попробуем», — ответил Пестов, который ведет и этот кружок.

Мальчишка получил свою первую роль — в инсценировке по рассказу Л. Измайлова «Ненужные словечки». Очень увлекся. На занятия является за 20—30 минут до начала. Здороваясь со взрослыми, встает. Стал учиться без троек, — а ведь раньше его в школе не очень хвалили.

— Мать Игоря даже испугалась этих неожиданных перемен! — замечает Любовь Михайловна.

Коликова в курсе всего, что происходит в обоих кружках: бывает там на репетициях, помогает при выпуске спектаклей. К тому же иногда занятия Николай Иванович проводит в присутствии жены у себя дома. «Учу ребят и дисциплине, и ответственности за дело», — говорит он.

Взаимоотношения четы артистов со школьниками неизбежно выходят за рамки программы кружков. Завязывается разговор об искусстве, о жизни. Пестов и Коликова определенно восполняют детям и подросткам недостаток общения с родителями, передают юным своим друзьям все сокровенное, трепетное, к чему приобщены сами. А это вызывает ответное доверие и чувство благодарности.

Окончив школу, даже уехав из Новгорода, повзрослев, парни и девчата шлют Николаю Ивановичу и Любови Михайловне теплые письма. Бывая в Новгороде,

обязательно заходят. Елена Калюжная, студентка в Новосибирске, пришла с мужем и маленьким сыном. До нее в квартире у Пестова и Коликовой побывала Валерия Кузнецова, она учится в одном из вузов Ленинграда.

Артистов благодарят за участие в их судьбе Владимир Малышев и другие бывшие «трудные» мальчишки из неблагополучных семей. Одного Николай Иванович поддержал в дни сомнений, поручив ему роль Лени Голикова, другой нашел в их квартире то тепло, которого не видел в своем доме...

Разные бывают друзья у артистов — близкие и далекие. У Коликовой и Пестова очень много друзей. Почему?

— Самое главное — быть преданным театру, честно служить высокому делу, — убежденно говорит Николай Иванович и о себе, и о Любви Михайловне. — Театру изменять нельзя. Мы ему отдаем себя целиком.